

Глава 2

О спектакле и писателях с благодарностью

Под впечатлением от спектакля «Пять вечеров»

Обстановка

Спектакль «Пять вечеров» создан Георгием Товстоноговым в ленинградском Большом драматическом театре – БДТ в начале 1959 года по пьесе Александра Володина, написанной чуть раньше. Радио тогда же транслировало спектакль, а значительно позже создало по сделанной записи радиопередачу и выпустило её в эфир, когда исполнители, как слышно в предуведомлении к передаче, уже получили высшие театральные титулы. Вероятно, как раз эти титулы, помогли выпуску передачи. По её тщательности и продолжительности видно, что создатели относились к ней, как к важному делу. Запись передачи сделана автором этого текста на магнитофонных лентах, думается, в конце 1970-х годов.

В пьесе и спектакле поразительно точно (для тех условий цензурных ограничений) отражена тревожность того переломного времени: «оттепель» (слово И.Эренбурга), едва начавшись, уже заканчивалась, к 1959 году «культ личности» был уже «разоблачён» три года назад, уже произошло подавление Венгрии, и явственно подступили заморозки.

Было бы несправедливым не признать стройную непротиворечивость советской системы. Но она явственно страдала двумя заметными недостатками. Первый – повальная нищета народа, а второй –

ложность мировоззрения, внушённого подавляющему большинству людей в условиях практически полного их бесправия, их несвободы. Оба недостатка переплетены: первый не может долго существовать без прикрытия вторым, и вместе с тем второй питается и подкрепляется нищенским уровнем жизни. Третий недостаток замечали не все, но во власти были и умники, которые понимали, что здание системы искусно выстроено слишком стройным и из него нельзя вынуть ни одного кирпича без того, что стройность нарушится и начнётся обвал.

Соответственно сказанному, во второй половине 1950-х годов возникло два совсем новых явления.

Во-первых, власти были вынуждены попытаться хоть немного накормить народ и поселить его в сносное жильё, и это потребовало больших средств, которых негде было найти без отказа хотя бы от части международных притязаний власти и без ограничения претензий военно-полицейских ведомств (уже прошёл, как шутили, реабилитанс); и то и другое многих оскорбило и вполне материально задело, и за это та власть поплатилась свержением в 1964 году.

Второе явление образовалось казалось бы незначительным фактом опубликования за границей романа Б.Пастернака «Доктор Живаго». Он был грамотно отвергнут журналом «Новый мир» (главный редактор К.Симонов) в силу неортодоксальности этого большого, сложного и неравноценного текста, мало кому понятного. Роман создал прорыв в идеологии не своим содержанием: он в СССР не был издан, почти никому не был доступен, а стал известен публике только по ругательным отзывам в печати.

Одиозной казалась самовольная бесцензурная передача романа за границу, а присуждение Нобелевской премии автору выглядело в глазах начальства как издевательство над стройной системой идеологии и, плюс к этому, многих завистливо раздражало. В результате Пастернак прорвал стену лжи, а опрометчиво устроенный властями скандал обнаружил гнилость системы – она скандалила, но, только что выпустив из лагерей громадное количество сначала уголовных и потом политических заключённых и отменив крепостное право на производстве (следствие вступления в МОТ), не решилась на прямую репрессию.

Вот в это переломное время, между приливов и отливов, жили и решали свои проблемы персонажи Володина.

Спектакль

Пьеса привязана ко времени не текстуально, а пронизана им через удивительную речь персонажей, в которой языковые штампы того времени иронично, но поэтизировано вплетены в как будто частную историю личных отношений – расставаний, встреч, любви, стыда.

Мой старший брат, ко времени постановки спектакля уже несколько лет друживший с Володиным, рассказывал, что спектакль дался театру нелегко, особенно его финал, который, чтобы разрешили играть спектакль, не должен был выглядеть слишком грустным. Нужен был хотя бы намёк на благополучие, однако такой намёк, который не противоречил бы общей тревожной тональности пьесы и спектакля. Володин вместе с Товстоноговым перебрал несколько вариантов, брат помогал ему. В результате героиня заканчивает спектакль монологом о небольших радостях, которые, «говорят», можно ещё ждать от жизни, и спохватывается вздохом: «Ой, только бы войны не было». Эти слова готовности как-нибудь перетерпеть все остальные возможные невзгоды, эти слова покорности – отдавали себя на милость судьбы; в них вкладывали и надежду, и готовность ко всякому ужасу, только не к самому крайнему, военному.

Я видел спектакль в июле 1959 года, когда проводил в Ленинграде свой отпуск вместе с моей женой. Брат дал мне телефон Володина, я ему позвонил и попросил устроить нам билеты на этот спектакль. Он это сделал.

Спектакль шёл прямо по нервам. Ломка судеб, женская неприкаянность, подмена жизни личности привязанностью к работе, почти обожествление её, уход вроде бы на войну, затем скитания по Северу, за которыми угадывается неназванная в пьесе неволя – ведь не даром герой не был в Ленинграде 17 лет (через приблизительно столько лет некоторым счастливым удалось выйти из лагерей в середине 1950-х годов).

В спектакле была и не исчезнувшая надежда на счастье. Центром этой надежды и, может быть, неожиданным нервом спектакля стал персонаж второго плана – Катя в исполнении тогда молодой Людмилы Макаровой. Её наивные реплики очаровательно смешны, но в них подразумеваются вопросы и даже несогласия, её любовь по-старому невинна, но деятельна, в этой девочке есть стержень, она способна на поступки, казалось, что она сумеет жить иначе, чем старшие.

Все это завораживающе угадывалось по ходу спектакля сквозь разговоры, казалось бы, совсем не о том.

Посмотрев кинофильм «Пять вечеров», сделанный по мотивам той же пьесы, что и спектакль, было бы естественным справедливо удивиться тому волнению, о котором только что сказано. Дело в том, что пьеса одна, а воплощения совсем разные. В фильме общественная тема не звучит вовсе, он повествует всего лишь «о странностях любви» на фоне густого трудного быта. Основная линия фильма: обаятельный мужчина средних лет, чья артистическая натура (актёр показывает несколько этюдов на эту тему) не давала ему стандартно идти по жизни, к концу фильма преодолевает себя и как будто возвращается к возлюбленной давних лет.

Пьеса была поставлена во многих театрах. Интересна реакция Гавриила Попова на недавнюю постановку пьесы в Ленкоме (Попов в конце 1980-х годов вместе с Ю.Афанасьевым противостоял «агрессивно-послушному большинству», затем непродолжительно был первым мэром Москвы). С позиции нашего времени он в своей статье раскрыл социальную подоплёку пьесы: состояния общества того времени, в котором действуют герои пьесы, но которое представлено в пьесе в очень неявном виде. Очевидно, что персонажи пьесы не могли понять окружающую обстановку и даже своё собственное поведение так, как понял это теперь Попов. Думаю, что и Володин в то время скорее чувствовал эту обстановку и своих персонажей, чем понимал всё это, и отсюда – удивительная непосредственность диалогов пьесы, её громадное эмоциональное воздействие.

Естественно, пьеса вызвала много негодований. В попытке как-то обратить внимание на её объективную ценность брат подготовил большую статью, опубликованную его друзьями много позже в его книге «Профили искусства». В этой статье он не позволил себе внятно продемонстрировать смысл пьесы, это слишком повредило бы её судьбе, он предпочёл компромисс – не свойственный ему академический анализ художественных средств и этим, на мой теперешний взгляд, заметно запутал дело. Тем не менее, в статье чётко сказано: «Один лишь шаг отделяет героев от пошлости и – от несчастья. Пьеса рассказывает, как герои не сделали этого последнего шага».

Спектакль точно передал интонацию пьесы. Её диалоги специфичны, они – только формально диалоги: во многих эпизодах следующая реплика напрямую не вытекает из предыдущей реплики другого персонажа, а связана с ней опосредовано, скорее является частью прерывистого монолога. Персонажу важнее выговориться, чем услышать, и, чтобы сплести такие актёрские реплики в волнуемое гармоничное целое, потребовалось большое профессиональное мастерство театра и радио. Вероятно, подобную трудность испытывает режиссёр чеховских «Трёх сестёр».

Вскоре и потом

31 августа 1959 года последний раз собрались у нас дома отметить день рождения брата. Он уже почти ничего не мог опубликовать, но был влюблён, много шутил. Выпивали, говорили легко, смеялись. Володин чувствовал себя естественно, среди своих, обещал перенести это застолье в свою пьесу (насколько знаю, не выполнил). Не прошло и двух месяцев – брат погиб.

А с Володиным я встретился ещё раз в середине 1990-х годов. В.Гаевский – Вадим, Дима, коллега и большой друг брата, собрал многочисленное общество в годовщину его гибели. Володин все ещё был так очарователен, что моя жена Людмила на моих глазах чуть не влюбилась в него. Не она – первая, не исключено, не она – последняя. Теперь, с 2001 года, и его нет.

Переплетение всех этих обстоятельств таково, что и теперь не могу без волнения слушать этот спектакль, потому и сохраняю его записи.

Часто воображается то будущее чеховских трёх сестер, которое на них обрушилось через всего 15 лет. Время отделило от нас и володинских персонажей. Старшей пары с её не заладившейся любовью (её играли Копелян и Шарко), вероятно, уже нет. А младшей паре (Макарова и Лавров), которая в спектакле только начинает самостоятельный путь, предстоит выстроить свою личную жизнь в связи со многими им ещё неизвестными событиями. Издевательство над Пастернаком, Солженицын, партийный путч 1964 года, вторжение в Чехословакию и в Афганистан, Сахаров, гласность, превращение привычного дефицита всего, что нужно для жизни, в катастрофическую форму, государственный путч 1991 года и победа над ним, частное предпринимательство, исчезновение дефицита всего, кроме денег, дважды «усмирение» Чечни, взрывы домов, газ зрителям «Норд-Оста», пожар школьникам Беслана, ЮКОС и становление государственного капитализма, терроризм, «принуждение к миру» Грузии, рассерженные демонстрации в Москве, новые заморозки, Крым, Украина... Как они отнеслись ко всему этому, что думали, что говорили, это ли им обещала молодость?

Впрочем, это – тема других пьес, других спектаклей, автору текста, к сожалению, известных лишь понаслышке. Но они появляются. И видно, что появляются новые молодые люди со своим новым, деятельным стремлением к счастью.